УДК 34.4414

Попова Н.А.,
студент магистратуры
1 курс, факультет заочного и дистанционного обучения
Челябинский государственный университет
Россия, г. Челябинск

ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: *В данной статье рассмотрены вопросы возмещения убытков при неисполнении обязательств.*

Ключевые слова: *убытки, возмещение убытков, гражданско-правовая ответственность.*

Annotation: *This article discusses the issues of damages in case of default.*

Key words: *damages, compensation for damages, civil liability.*

Возмещение убытков в нормах российского гражданского права рассматривается как наиболее универсальная форма гражданско–правовой ответственности, которая в свою очередь предполагает восполнение отрицательных имущественных последствий, которые были вызваны неправомерным поведением нарушителя.[6, С. 32]

Возмещение убытков прямо предполагает возложение на потерпевшего обязанность по доказыванию этих убытков и на виновную сторону возлагается обязанность по восстановлению нарушенных ею правоотношений, материального положения пострадавшего лица, то есть имеет динамику (в частности, лица, которые участвуют в правоотношении материального характера, должны совершать определенные действия).

Ввиду изложенного, динамическим проявлением убытков в гражданском праве является их возмещение.[4, С. 51-56]

Возмещение убытков в абз. 2 п. 1 ст. 393 ГК РФ рассматривается в качестве универсальной меры гражданско-правовой ответственности.

Данные нормы в ГК РФ о возмещении убытков соответствуют правилам Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА (далее - Принципы УНИДРУА)[14]. Так, абз. 2 п. 1 ст. 393 ГК РФ корреспондирует с предписанием ст. 7.4.1 данных принципов, а абз. 2 п. 2 ст. 393 ГК РФ - с правилом п. 1 ст. 7.4.2 Принципов УНИДРУА.

Закрепление в ГК РФ нормы о полном возмещении убытков и провозглашение его в качестве универсального способа защиты гражданских прав не являются новыми для цивилистики (см. ст. 12 ГК РФ). В российском гражданском праве принцип полного возмещения убытков - expressis verbis (реальный ущерб и упущенная выгода) - всегда рассматривался как одно из основных начал гражданско-правовой ответственности.

На это в свое время обращал внимание Д.М. Генкин: «...кредитор имеет право требовать и должник обязан уплатить такую сумму денег, которая ставила бы кредитора в положение, в котором он (кредитор) находился бы, если бы обязательство было должным образом и в срок исполнено»[2, С. 445].

Аналогичной позиции придерживался и О.А. Красавчиков: «Сущность принципа возмещения убытков заключается в том, что причиненные должником убытки, в какой бы форме они ни выразились, должны быть им возмещены в том размере, в каком они возникли»[9, С. 499].

Доказывание размера причиненных убытков обычно связано с большими сложностями, особенно в отношении такой составляющей убытков, как упущенная выгода.

Так, в п. 14 Постановления № 25 поясняется, что, поскольку упущенная выгода представляет собой неполученный доход, при разрешении споров, связанных с ее возмещением, следует принимать во внимание, что ее расчет, представленный истцом, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер[14]. При этом данное обстоятельство не может быть основанием для отказа в иске.

Проблема доказывания размера причиненных убытков в значительной мере утратила свою актуальность после введения в ст. 393 Гражданского Кодекса п. 5 размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Как показывает анализ судебной практики, в целом в ней прослеживается следование правилам п. 5 ст. 393 ГК РФ. Так, например, в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 указывается, что, если пассажир не объявил ценность багажа при передаче перевозчику и отсутствует возможность точно доказать его действительную (документальную) стоимость, суд не вправе отказать в удовлетворении требования пассажира о возмещении убытков, причиненных утратой или недостачей багажа, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности, и в этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом правил п. 5 ст. 393 ГК РФ[14].

Аналогичную позицию суда можно видеть и в п. 4 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции от 20.12.2017, а также в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (далее - Постановление № 7)[13].

Однако отмеченное выше устранение необходимости доказывания точного размера причиненных убытков не означает одновременного устранения необходимости доказывания самого факта причинения убытков, а также их причинной связи с неправомерным действием (в договорных обязательствах - неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, в обязательствах из причинения вреда - неправомерным действием или бездействием, которым причинен вред), и здесь очень важное значение приобретает п. 5 Постановления № 7, где: «если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается.

Должник, опровергающий доводы кредитора относительно причинной связи между своим поведением и убытками кредитора, не лишен возможности представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков[13].

Это разъяснение создает презумпцию наличия причинной связи между противоправным действием должника и наступившими убытками. Кроме того, такое разъяснение одновременно следует рассматривать как допущение презумпции существования самих убытков, размер которых подлежит определению по правилам п. 5 ст. 393 ГК РФ, то есть без доказывания их точного размера, ведь речь идет о таких убытках, которые являются обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства.

Представляет интерес п. 19 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным защитой чести, достоинства и деловой репутации от 16.03.2016 (далее - Обзор), где отмечается, что объективная сложность доказывания причинно-следственной связи между наличием убытков и распространением ложных и порочащих сведений, равно как и размера убытков, не должна снижать уровень правовой защищенности участников гражданского оборота при доказанности факта нарушения. По смыслу ст. 15 и 393 Гражданского Кодекса РФ при установлении причинной связи между распространением порочащих сведений и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение[10].

Судебная практика показывает, что высказанные в п. 14 Постановления № 25 и п. 5 Постановления № 7 соображения оказываются применимыми и при рассмотрении споров о компенсации морального вреда, что можно видеть на примере дела, о котором идет речь в п. 5 Обзора практики Верховного Суда РФ за 2018 года № 2, утв. 04.07.2018.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала указанные выводы суда апелляционной инстанции существенно нарушающими нормы материального и процессуального права.

В процессе определения размера и объема возмещаемых убытков судам необходимо руководствоваться принципами справедливости и соразмерности ответственности[11].

Необходимость соблюдения принципов справедливости и соразмерности ответственности судом при определении размера убытков является не чем иным, как проявлением общего принципа - принципа полного возмещения убытков, установленного в п. 1 ст. 15 ГК РФ.

Необходимо помнить, что по этому принципу потерпевший имеет право требовать полного возмещения убытков, однако он не имеет права требовать большего, чем он потерял. Другими словами, потерпевший не может обогатиться за счет применения такого способа защиты своих прав, как институт возмещения убытков[3, С. 195].

Убытки по своему содержанию объективно состоят сплошь из оценочных категорий, которые суд при рассмотрении и разрешении дела должен перевести в реальную плоскость, определить конечный результат, а именно сумму убытков, подлежащих возмещению.

Первое, первоначально размер убытков доказывается истцом по делу. При этом суд оценивает этот размер с точки зрения «разумной степени достоверности». Если к размеру упущенной выгоды данная оценка может быть применима, то в отношении размера реального ущерба, как вида убытков, разумную степень достоверности необходимо применять в отношении «будущих» расходов, при оценке стоимости утраченного или поврежденного имущества.

Хотя обычно «разумная степень достоверности» размера реального ущерба, как вида убытков, в указанных случаях определяется с помощью проведения соответствующей экспертизы, направленной на установление действительного размера причиненного ущерба.

Второе, в случае если суд установит, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. Предполагается, что данный факт должен быть процессуально зафиксирован в ходе судебного

разбирательства если не в отдельном судебном определении, протоколе судебного заседания, то хотя бы в мотивировочной части судебного решения. Данный факт фиксирует, с одной стороны, объективную невозможность истца предоставить еще какие-либо доказательства (дополнительные) в подтверждение размера понесенных им убытков, с другой стороны, передает суду инициативу и обязанность по установлению размера убытков.

Третье, размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

По существу, законодатель, вменяя суду в обязанность устанавливать в каждом конкретном случае справедливость и соразмерность при определении размера убытков, причиненных нарушением договорных обязательств, обязывает его определять и те критерии, по которым он приходит к этим выводам[13].

А определять эти критерии необходимо, так как в случае обжалования вышестоящая инстанция должна будет дать оценку справедливости и соразмерности уже с точки зрения законности и обоснованности проверяемого ею судебного решения.

Следует подчеркнуть, что п. 5 ст. 393 ГК РФ «переводит» проверку судебного решения на предмет соразмерности и справедливости размера убытков из разряда проверки решения на «необоснованность» в разряд проверки судебного акта на «незаконность».

Если ранее (до марта 2015 г.) обязанность по доказыванию размера убытков целиком и полностью возлагалась на истца по делу, соответственно это исследовалось вышестоящей инстанцией с точки зрения обоснованности или необоснованности (в зависимости от установления (признания) этого факта судом) судебного решения, то сейчас размер убытков, установленный в судебном решении, может быть проверен на предмет соответствия п. 5 ст. 393 ГК РФ, т.е. с точки зрения законности судебного акта.

Четвертое, пункт пятый ст. 393 ГК РФ имеет в первую очередь большое

процессуальное значение для дел о возмещении убытков, которое проявляется в изменении иерархии порядка доказывания фактов, входящих в предмет доказывания, а точнее, в установлении этого порядка[5, С. 1-3].

Таким образом, на сегодняшний день, исходя из норм п. 5 ст. 393 ГК РФ, необходимо первоначально истцу доказывать, а суду устанавливать следующие факты:

- факт нарушения договорных обязательств (неисполнение или ненадлежащее исполнение договора);

- факт причинения вреда; факт причинно-следственной связи между этими обстоятельствами.

Только в случае установления этих обстоятельств в силу принципа процессуальной экономии суду следует переходить к установлению размера причиненного вреда в соответствии с тремя вышеуказанными пунктами.

Возмещение убытков в отечественной цивилистической литературе традиционно рассматривается в качестве универсального защитного средства, применение которого возможно при нарушении любого субъективного гражданского права, иными словами, в качестве «общей формы ответственности, которая рассчитана на все случаи компенсации лицом ущерба в своем имуществе»[8].

При этом гражданское законодательство дает основания для иной, частной, квалификации возмещения убытков - в качестве последствия недействительности сделок.

Так, в ряде норм, посвященных определенным составам недействительности сделок, имеется указание на возможность требования потерпевшей стороной возмещения реального ущерба (абз. 3 п. 1 ст. 171, п. 1 ст. 172, абз. 2 п. 1 ст. 175, абз. 2 п. 1 ст. 176, п. 3 ст. 177, абз. 2 п. 6 ст. 178 ГК РФ), а также убытков в полном размере (абз. 3 п. 6 ст. 178, п. 4 ст. 179 ГК РФ).

В теории гражданского права существует и несколько иная позиция, согласно которой в качестве убытков в деле о недействительности сделки следует квалифицировать, помимо изложенного, денежные средства,

уплачиваемые недобросовестным приобретателем своему потерпевшему контрагенту в порядке п. 2 ст. 167 ГК РФ.

Этот вопрос, однако, касается не столько возмещения убытков как отдельного последствия недействительности сделок, сколько вопросов правовой природы реституции в целом и компенсационной реституции в частности, а потому анализ и разрешение этих вопросов выходят за рамки настоящего исследования[7].

Анализ судебной правоприменительной практики свидетельствует о сравнительно частном применении судами норм о взыскании убытков в деле о недействительности сделок.

Между тем в законодательном закреплении было отказано наиболее общему и привычному ответственному правопорядку и правоприменителю способу защиты гражданских прав - возмещению убытков, что вновь актуализирует проблемы определения правовой природы этого защитного средства в деле о недействительности сделок, особенностей его функционирования, а также поиск оптимальной и адекватной нуждам гражданского оборота модели его правового регулирования.

Многообразие возникающих в практике современного гражданского оборота ситуаций ставит под сомнение сложившийся законодательный подход к ограниченному размеру взыскиваемых убытков, а также к составу недействительности сделок, допускающих их возмещение.

Указанные проблемы актуальны как с теоретической, так и с практической точек зрения. Анализ конкретных судебных решений по делам, связанным с применением последствий недействительности сделок, свидетельствует об отсутствии у судов единообразного и теоретически обоснованного подхода к определению правовой природы возмещения убытков как последствия недействительности сделки.

Добросовестность является оптимальным критерием в ситуации разрешения вопроса о возможности взыскания убытков как последствия недействительности сделки, однако учету должны подлежать и иные

обстоятельства дела и, в частности, равенство переговорных возможностей сторон, распределение их прав и обязанностей.

В положении, схожем с позицией потребителя, находится сторона недействительной сделки, выразившая волю на ее совершение под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, а также под влиянием существенного заблуждения.

Такие субъекты могут знать об основании недействительности сделки и в связи с этим уже не рассматриваются как добросовестные, однако их положение препятствует адекватному формулированию ими своего волеизъявления.

Можно заключить, таким образом, что в настоящее время правовое регулирование возмещения убытков как последствия недействительности сделок характеризуется фрагментарностью, порождающей неоправданное ограничение способов защиты сторон недействительной сделки.

При этом существует необходимость установления на законодательном уровне в рамках общей статьи о последствиях недействительности сделок (ст. 167 ГК РФ) таких правил расчета убытков, которые учитывали бы специфику ситуации недействительности сделок (а именно нарушения ими прав и законных интересов их участников как условия недействительности), а также предполагали бы возможность возмещения убытков в полном объеме для защиты сторон недействительной сделки по любому основанию.

Для решения этой проблемы предлагаем в ст. 167 ГК РФ ввести пункт 2.1 следующего содержания:

«2.1. Добросовестная сторона недействительной сделки, а также сторона, при совершении недействительной сделки занимавшая положение, препятствующее согласованию ею содержания такой сделки, имеет право на взыскание в полном объеме причиненных недействительной сделкой убытков с другой стороны недействительной сделки, которая знала или должна была знать об основании ее недействительности (недобросовестная сторона).

Размер убытков по делам о недействительности сделок определяется согласно общим положениям об обязательствах, а также исходя из характера

нарушения прав и охраняемых законом интересов сторон совершением и (или) исполнением недействительной сделки (абз. 2, 3 п. 2, п. 3 ст. 166 ГК РФ)».

Предлагаемый к введению в ст. 167 ГК РФ пункт недвусмысленно наделяет правом на взыскание убытков сторон любой недействительной сделки, разрешая тем самым доктринальные споры о пределах действия рассматриваемого способа защиты в деле о недействительности сделки и создавая дополнительные гарантии всесторонней защиты прав и законных интересов ее сторон.

Таким образом, возмещение убытков является результатом совершенного правонарушения и имеет место лишь в тех случаях, когда поведение должника носит исключительно противоправный характер.

Для взыскания убытков, лицо, чье право нарушено, требующее их возмещения, должно доказать факт нарушения обязательства, наличие причинной связи между допущенными нарушениями и возникшими убытками в размере убытков[17].

Основной трудноразрешимой проблемой в судах, как показывает практика, до сих пор является проблема обоснования размера убытков, бремя доказывания которых возложено на потерпевшую сторону, в результате чего нарушенные права потерпевшей стороны, как правило, не восстанавливаются либо восстанавливаются лишь отчасти. Безусловно, такое положение дел не устраивает участников гражданского оборота в случае возникновения проблемы возмещения убытков.

В п. 5 ст. 393 ГК РФ (введен Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ) законодатель попытался разрешить проблему доказывания точного размера убытков, создававшую серьезные препятствия для восстановления нарушенных прав кредитора в целом, не говоря уже о решении вопроса, связанного с полнотой возмещения убытков. Так, по общему правилу размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. При этом если же размер убытков с разумной степенью достоверности невозможно установить суд не может отказать в удовлетворении

требования кредитора о возмещении убытков. В таком случае размер убытков можно будет определить в суде с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства. Положение п. 5 ст. 393 ГК РФ заимствовано из п. 3 ст. 7.4.3 Принципов УНИДРУА.

При этом не следует забывать, что установленное в законе право суда определять размер убытков с разумной степенью достоверности не исключает процессуальной обязанности истца-кредитора по доказыванию размера убытков[12].

Как показывает судебная практика, полнота возмещения убытков также предполагает, что возмещение убытков в меньшем размере возможно только в случаях, предусмотренных законом или договором, в пределах, установленных гражданским законодательством[2, С.9-13].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Генкин Д.М. Советское гражданское право: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 445.
2. Василевская Л.Ю. Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист. 2017. № 22. С. 9 - 13.
3. Дегтярев С.Л. Доказывание убытков в арбитражном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук / С.Л. Дегтярев. Екатеринбург, 2000. 195 с.
4. Дегтярев С.Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе // Юрист. 2008. № 7. С. 51-56
5. Дегтярев С.Л. Действие принципов справедливости и соразмерности ответственности при возмещении убытков // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 1-3.
6. Темникова Н.А. Возмещение убытков как форма ответственности сторон за нарушение договора// Вестник Омской юридической академии.2016 № 3 ст.32
7. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999.

8. Карапетов А.Г. Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации.: М-Логос, 2018.
9. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: В 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 499.
10. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.)» // [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322
11. Обзор Президиума Верховного Суда России от 17 июля 2019 г. №2 (2019) "Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019)" // [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72199918
12. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30 декабря 2015 г. № Ф02-6757/2015 по делу № А19-4399/2014 // [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=87724#0451412747758015
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // [Электронный ресурс]
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301030/

16. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // Закон. 1995. № 12.
17. Решение от 29 апреля 2016 г. по делу № А40-219178/2015 // Арбитражный суд города Москвы (АС города Москвы // [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/2CpYi17tSDZP